

Табаров О.Т.

18/VIII-82

18 АВГ 1987

ИЗВЕСТИЯ

№ 231 • 18 август

В начале пятидесятых годов он буквально ворвался в наш театр и кинематограф вместе со своими яркими, чистыми, бескомпромиссными в поисках правды героями. Затем была трудная, но радостная работа актера в «Современнике», во МХАТе, десятки ролей в кино. Но главным в последние годы сам он считает свою деятельность педагога: вначале руководителя курса, а позже — ректора школы-студии МХАТа. Сегодня на вопросы октябрьской анкеты «Известий» отвечает Олег Павлович ТАБАКОВ.

— Коренные перемены, происходящие в нашем обществе, названы революционными. В чем вы видите преемственность дела Октября и сегодняшних преобразований?

— На мой взгляд, в нынешней перестройке находит свое естественное продолжение и развитие тенденция к постоянному созидательному обновлению, являющаяся одной из наиболее характерных черт нашего строя, рожденного Октябрем. Мы становимся свидетелями бурного развития того революционного процесса, который, естественно, с определенными приливами и отливами определял жизнь Советской страны все эти семьдесят лет.

Ведь и сама перестройка не родилась из ничего на январском Пленуме или на XXVII съезде партии, она не является умозрительным планом только членов ЦК или Политбюро ЦК. Перестройка выросла из повседневного бытия миллионов советских людей. Эти-то люди, с их честным трудом, с их психологией, и являются стержнем хребта перестройки, рождающейся из совести народной.

Рушится наконец тот мир двойной и тройной морали, в котором мы жили последние два десятилетия. Одна мораль — для работы, другая, скажем, — для дома и для семьи. А была еще и третья — для заветной компании, с которой ты обсуждал человеческим, а не газетным языком все, что происходило в жизни. Сейчас, повторяю, этот мир рушится. Люди постепенно начинают верить в то, что они все-таки смогут реально влиять на ход дел в стране, что за лучший труд будут наконец лучше платить. Именно этот нарастающий передел в сознании людей также рождает нашу нынешнюю эпоху с эпохой Октября.

— Какой нравственный урок и практический вывод вытекает, на ваш взгляд, из опыта последних десятилетий, из оценок последних Пленумов ЦК КПСС?

— Нравственный урок, пожалуй, один — события последних двух лет показали, что никакой альтернативы честному исполнению своего гражданского и профессионального долга у советского человека нет и быть не может. Что же касается практических выводов, то я, как, впрочем, и многие другие, с удивлением обнаруживаю, что те, что еще недавно противоборствовали театру, в котором я работал, и мне лично в делах по воспитанию молодых актеров, в создании театра-студии на Чапыгина — все эти люди вновь, что называется, рвутся «к древку знамени». Они громче других кричат о перестройке, с идеями которой еще несколько месяцев

дела заиметь в Москве собственный «Бродвей». И не будем ханжески обвинять наших людей в том, что после трудового дня или трудовой недели они не всегда находят силы и желания для трехчасового путешествия в центр и обратно. Я уж не говорю об очередях за билетами.

дущего учебного года мы введем в состав ученого совета школы-студии семерых студентов, главным образом третьекурсы. Непривычно? Конечно. Но этот акт заставит всех нас, педагогов и администраторов, быть ответственными за свои слова и поступки. В них, в молодых, хо-

У себя во МХАТе мы долго спорили. В результате — две сцены. Что ж, очевидно, такое разделение было закономерным. Знаете, еще Г. Ибсенем была выдвинута идея о так называемом двадцатилетнем периоде жизни театра, в ходе которого театр рождается, мужает, дрях-

ляющий свою работу лучше, чем его сосед, будет за свой труд и получать, безусловно, больше.

Другим путем, несомненно, должно быть восстановление демократии и законности. Мы уже стали забывать, что русское слово «выборы» подразумевает выбор из чего-то. Иначе речь идет не о выборах, а о вотировании. И, как коммунист, я считаю, что при избрании делегатов на предстоящую в будущем году внеочередную партийную конференцию хорошо бы назвать реальных людей на самих партийных собраниях. И совершенно необходимо, чтобы кандидаты эти заранее отдали бы отчет в том, чьи именно и какие интересы они собираются на этой партконференции представлять.

Долгое время выдавая желаемое за действительное, трубили мы о том, что-де полностью преодолен у нас культ личности. Ну а как быть с публикациями последних месяцев, от которых волосы дыбом встают? Методы культа личности процветали на уровне области — Тульской, в рамках автономной республики — Башкирии, в рамках республик союзной — Казахской! И для того, чтобы люди раз и навсегда приняли перестройку как свое кровное дело, они должны быть уверены в том, что все это больше никогда не повторится.

И еще мне представляется обстоятельством решающей важности наличие реальных, а не на бумаге, свобод. Беда, однако, в том, что сами мы, может быть, и не желая того, подчинены стереотипам застоя. Они живут, потому что десятилетиями были единственным возможным способом существования для многих. Мы, например, призывали к сдерживающему окрику и осуждающему намеку, без которых сегодня иные просто теряются. Более того, если нам что-то не нравится или кто-то неудобен, мы сами порой жаждем, а то и требуем, чтобы его окрикнули, осаждали, а еще лучше «обсудили». Для меня же в отношении искусства, той сферы, в которой я работаю, единственно возможным подходом был и остается тот, которым руководствовались Ленин и Луначарский. Вспомним, сколько такта и терпимости проявил Владимир Ильич по отношению к тем направлениям в искусстве, которые он лично не принимал, как это было, скажем, с футуризмом. А народному комиссару просвещения и в голову не приходило спектакли закрывать. Он предпочитал публично критиковать их.

— О молодежи. Стало привычным советовать на общественную пассивность молодых. Как нынешние процессы влияют на характер нового поколения? Чего вы ждете от своих детей, в чем они поддерживают вас и в чем с вами расходятся?

— Думаю, следует признать, что определенную часть молодых мы потеряли. Слишком уж разрушительным в нравственном

плане был пример иных наших руководителей и неруководителей, которые сами жили безнравственно, а жить нравственно предлагали молодежи. Это была не борьба за души молодых, а самое настоящее растление.

С этим фактом надо считаться, и не только считаться, но и делать шаги навстречу молодым. Я вообще считаю, что борьба за перестройку — это во многом борьба за молодых. И давайте будем поменьше обращать внимание на то, во что они одеты и как пострижены. Поистине о длине волос чаще всего говорит тот, у кого короток ум дойти до сути вещей. И я уверен, что те ребята-пожарники, которые приняли смерть в Чернобыле, были разные. По-разному и наверняка современно одевались, стриглись, танцевали. И музыку, наверное, любили громкую. Но это не мешало им быть настоящими советскими людьми. И в Афганистане находятся парни, многие из которых только там проявили свои качества, и оказалось, что ничем они не уступают героическим поколениям отцов и дедов, так что давайте верить и помогать нашей молодежи. В конце концов они правы — хотя бы потому, что будут жить дальше.

От детей своих жду одного: чтобы они всегда были порядочными людьми. И я рад, что в моих поисках, начинаниях нахожу у них понимание и поддержку.

— Какие гарантии несбодимы, чтобы перестройка стала необратимой? Что, по-вашему, должны сделать для этого государство, общество, каждый из нас?

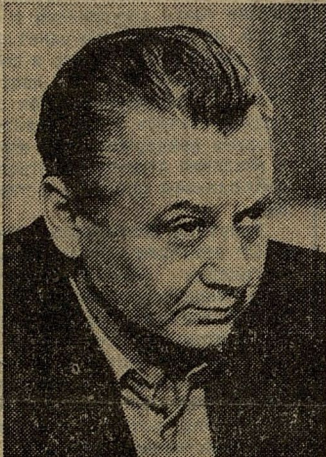
— Считаю принципиально важным вернуть людям чувство собственного достоинства. Оно не могло не притупиться в последние годы, когда для того, чтобы купить самую обычную вещь на честно заработанные тобой деньги ты вынужден был в самом прямом смысле унижаться. Любимый человек, причастный к распространению материальных благ, любой продавец, стюардесса в самолете могли стать распорядителями над твоим достоинством. На мой взгляд, люди, способные из года в год молча терпеть хамство и унижения в очередях и в переполненных вагонах метро, не могут быть сознательными борцами за перестройку.

В этом возвращении человеку чувства хозяина этой жизни, хозяина своей судьбы, хозяина своей державы, а не раба очередей и привалов — залог необратимости перестройки.

Сейчас в нашем обществе развиваются два встречных процесса: руководство партии и государства прокладывает путь новой хозяйственной системе и демократизации, народ постепенно все отчетливее осознает жизненную необходимость происходящих перемен. Необратимой перестройки будет прямо определяться тем, насколько тесно сольются эти два потока нашей жизни.

Октябрь. Перестройка. Мы

ВЕРНУТЬ ЛЮДЯМ ВЕРУ

Реальному исправлению сложившейся ситуации может служить только широкая демократизация театрального дела. Первенствующую роль в этом процессе уже сейчас играет стремительный рост числа молодежных полупрофессиональных театров и студий, в первую очередь — на периферии столицы. Кстати, всемерная помощь подобным коллективам будет означать возвращение к той мере заботливости о молодых, которая была у Ленина и которой нам так остро не хватало в последние годы.

— Что можете, хотите и реально делаете лично вы для перестройки? Какие препятствия при этом возникают, в чем вы находите союзников и противников? Удовлетворены ли вы темпами перестройки?

— Хотя я до сих пор стараюсь как можно больше работать в театре и кинематографе, главным своим делом последние годы считаю воспитание театральной молодежи. Вижу в этом свою первейшую обязанность не только как ректора школы-студии МХАТ, но и как главного режиссера театра-студии на Чапыгина, практически все актеры которого являются моими учениками. И главной целью этой работы считаю утверждение и в школе-студии и в руководимом мной молодежном коллективе духа театрального братства, крепкой актерской семьи, которые сплотили нас в свое время в «Современнике».

Как педагог, я хочу быть убежден, что мой студент средствами своей профессии сможет зарабатывать себе на жизнь. В противном случае было бы верным безразличности подписывать ему диплом. Я считаю себя ответственным и за хорошо подготовленного, и за неудавшегося актера, и полагаю, что помнить о наших воспитанниках мы должны не только тогда, когда они восходят на орбиты известности и славы, но и тогда, когда ломается их жизнь.

Но самое главное — быть честным в глазах молодых, не лгать им, какой бы спасительной и удобообъяснимой эта ложь ни казалась. Они должны верить, что хоть что-то из наших обещаний претворится в жизнь, что самих их не отфутболоят, придти они с какой-то просьбой или предложением в ректорский кабинет. И именно для этого с бу-

чется видеть своих союзников. Хочется вырастить их союзниками.

Темпами, конечно, быть удовлетворенным трудно. Понимаю, что слишком долго мы жили в долг самим себе — десятилетия, и хорошо бы, чтобы в ближайшую пятилетку механизм обновления хотя бы окреп и встал на ноги. Это касается как экономических, так и духовной жизни. И еще я не очень доверяю торжественным рапортам тех, кто уверяет о своем «прозрении» и «духовном перерождении» буквально на следующий день после принятия очередных партийных решений. Житейский опыт и уроки истории показывают, что психология людей меняется много медленнее, нежели условия общественного бытия. С рецидивами мышления периода застойных явлений мы будем, видимо, сталкиваться еще долго.

— О кадрах. Кто сегодня задает тон и насколько, по-вашему, сильны позиции тех, в чьих интересах сохранить все по-старому?

— Прежде всего, я полагаю, что это не только кадровая проблема. По-старому стремятся жить и действовать порою работники нашего нелепо разбуженного, зачастую ничем, кроме самовоспроизводства, не занимающегося административного аппарата. В первую очередь — министерств в их нынешнем виде и с их нынешними правами и полномочиями. Про министерства культуры и высшего образования могу это сказать с полной ответственностью, хотя и тем становится все больше и больше людей, для которых перестройка не пустой звук, а программа действий.

Трагедия в том, что имевшие место в последние два десятилетия искажения принципов социализма заставляли приспосабливаться к этим ненормальным условиям отнюдь не одних только управленцев. Определенные законы бытия рождали и определенные нравственные нормы, точнее, их искажение. Как и все общество, затронутым этими процессами оказался и театральный мир. И позиции людей, собирающихся вопреки всему жить и работать по-старому, сильны, и драться за это они будут до конца, ибо так жить им выгодно.

леет и умирает. Кстати, эту мысль разделял и В. И. Немирович-Данченко. Я понимаю, как нелегко свыкнуться с мыслью о необходимости уйти, уступить свое место молодым. Процесс этот долг, мучителен — и не только в театре.

Что делать? Рецепт, на мой взгляд, один — время.

Тон же в театральном деле сейчас задают молодежные студии, рождающиеся, как грибы после дождя. Они играют роль закваски, катализатора, который призван по-хорошему встряхнуть наших театральных «академиков». Время и зритель определит, каким из этих вновь возникающих театров жить, а кто явится пустоцветом. Сейчас положение многих из них трудное, зачастую плачевное. Трудно живет театр-студия «У Никитских ворот» под руководством Марка Розовского, нелегко приходится «Школе драматического искусства», которую возглавляет Анатолий Васильев. Этим молодым театрам надо помогать, ориентируясь в первую очередь на их готовность с первых дней своего существования достойно предстать перед зрителем. Когда-то мы, организовав «Современник», просили у Всероссийского театрального общества денег в долг. И получили их, но не просто так, а показав предзарительный наш первый спектакль «Вечно живые», по пьесе В. Розова, который готовили по ночам. Подобный принцип помощи вполне, думаю, применим и в наши дни.

— Кто и почему, на ваш взгляд, сегодня выкидает и что надо сделать, чтобы идеи перестройки, овладев массами, стали материальной силой, поистине делом каждого?

— Выжидают, думаю, многие. Впрочем, иначе, на мой взгляд, и быть не может. Мы в самом начале пути, и на этом первом этапе роль подвижников будет определяющей.

Делом поистине всеобщим, кровным делом каждого перестройка будет становиться по мере перемен в экономической сфере. У людей должна появиться и окрепнуть уверенность в том, что их труд не пропадет втуне, что заработная плата это не «зря плата», как горько шутили еще недавно, и что человек, де-